

Монополия на экономическое правосудие: судьи против арбитров

В. В. Еремин

Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Для цитирования: Еремин, Виктор В. 2024. «Монополия на экономическое правосудие: судьи против арбитров». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 354–370.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.203>

В статье исследуются взаимоотношения государственных экономических судов (арбитражных судов) в лице судей с третейскими судами как проявление конфликта между государственным и частным правосудием. Обсуждаются последствия изменений в государственной политике после проведения арбитражной реформы 2015–2017 гг. Через призму бурдьевистской оптики анализируются ключевые факторы, влияющие на возникновение негативного отношения в судейской среде к частному правосудию. Также изучается становление специализации особой подгруппы судей арбитражных судов кассационной инстанции, которые из года в год занимаются рассмотрением дел, связанных с третейскими судами. В эмпирической части исследования, основанной на интервью с судьями арбитражных судов кассационной инстанции и другими экспертами, показывается, что основным ориентиром для государственных судей, помимо закона и собственного убеждения, является ориентация на вышестоящий суд — Верховный Суд РФ, где политику судов по отношению к третейским судам практически полностью вырабатывает один судья Верховного Суда РФ. Судей отличает нормативный изоморфизм, так как схожий опыт деятельности и практики подвигает их принимать схожие стратегии по защите своего поля от частного правосудия. На основе предположения о гомогенизации судебной сферы и тактик защиты судьями своего поля от чужеродных частных судов с использованием институционального анализа и бурдьевистских теорий полей и капитала делается вывод о том, что судьи государственных судов склонны к накоплению символического капитала, который позволяет им выступать единственными возможными толкователями правовых норм — монополистами правосудия. Через призму теории изоморфизма автор статьи приходит к заключению, что государственные суды реализуют практику принудительного изоморфизма, который не преследует никаких иных целей, кроме цели принуждения частных судов к мимикрии под государственные суды.

Ключевые слова: арбитраж, третейские суды, экономическое правосудие, монополия на правосудие, третейское сообщество судей, арбитражная реформа.

1. Введение

Выражение «Идите в суд» вошло в обиход россиян как естественное и буквально универсальное для решения любых проблем, начиная от бытовых, заканчивая спорами крупных корпораций между собой. Однако так ли монополизирована сфера разрешения споров, и есть ли альтернативы государственному суду? Такой

альтернативой является арбитраж (третейский суд)¹. Зарождение в России рыночной экономики в начале 1990-х годов вынудило государство трансформировать систему разрешения экономических споров. Государственный арбитраж был преобразован в систему государственных экономических (хозяйственных) судов — арбитражных судов. Наравне с ними начал развиваться альтернативный способ разрешения споров, который успешно функционировал на протяжении десятилетий во всех развитых странах, — арбитраж².

Арбитражные суды представляют собой и иерархичную систему внутри суда как организации (председатель суда, заместители председателя, руководители коллегий и рядовые судьи), и систему по принятию решений в виде возможности рассмотрения дела в нескольких инстанциях (арбитражные суды — первая инстанция, апелляционные арбитражные суды, кассационные арбитражные суды и Верховный Суд РФ (ВС РФ))³. В этой системе нет места арбитражам как составной части системы, это квазисудебный орган, который находится вне системы как элемент гражданского общества, получающий право на рассмотрение спора от самих сторон.

Арбитражные суды по отношению к арбитражам осуществляют ограниченные полномочия: по заявлению одной из сторон спора могут проверить решение и по определенным основаниям отменить его, выдать исполнительный лист на решение арбитража («засилить»)⁴.

До недавнего времени руководители судебной системы всячески пытались поддержать развитие арбитражей, подчеркивали, что функция государственных судов заключается в содействии и контроле, но без вмешательства в дела арбитражей, и видели благо в частном правосудии для общества в целом и для предпринимателей и судей в частности. В 2003 г. тогдашний председатель Высшего

¹ Данные термины в рамках настоящей статьи будут использоваться как синонимы, а не в значении, придаваемом им в Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 7 мая, 2024. <http://www.consultant.ru>). Обусловлено это не сколько пренебрежением юридической терминологией, сколько тем, что в англоязычной литературе они являются синонимами; кроме того, данная статья направлена на изучение феномена арбитража с социологических позиций, а не с позиций юриспруденции.

² Нельзя сказать, что до этого момента в России не существовало третейских судов. Юристы часто анализируют проблематику третейских судов ретроспективно и зачастую указывают, что третейские суды были направлены и на разрешение споров между государствами, Гаагский трибунал (третейский суд) инициирован Николаем II (Зайцев 2012; 2013) и третейские суды существовали еще во времена Древней Руси.

³ Практика судов общей юрисдикции, т. е. тех, которые рассматривают споры с гражданами (в юридической терминологии — физическими лицами), не представляет для нас интереса, поскольку количество рассматриваемых ими дел по теме исследования сравнительно незначительно. Однако именно по практике судов общей юрисдикции в отношении решений третейских судов недавно высказался Конституционный Суд РФ (КС РФ), принявший достаточно значимое для сферы арбитража решение по ключевым вопросам (Постановление КС РФ от 03.10.2023 № 46-П «По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 131 Гражданского кодекса РФ и п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобой гражданки Т. В. Солодовниковой»).

⁴ Исполнительный лист придает решению арбитража силу судебного решения, подтвержденного государственным судом. Для удобства обозначим дела, которые рассматривают государственные суды, связанные с третейскими судами, как «третейские дела».

Арбитражного Суда РФ (ВАС РФ) В. Ф. Яковлев писал: «Нам бы хотелось, чтобы третейских судов, организованных на хорошей профессиональной основе, было как можно больше»⁵. Статистика «отказных» решений выросла с 16 % в 2016 г. до 31 % в 2019 г. (Хвалец 2019, 64), и была объявлена «борьба с карманными третейскими судами»⁶, хотя в 2015 г. отмечался чуть ли не бум запросов на исполнение решений арбитражей в государственные суды⁷. Как следствие, была проведена арбитражная реформа 2015–2017 гг.: количество арбитражей сократилось с нескольких тысяч⁸ до пяти (два из которых иностранные арбитражи, получившие право на администрирование споров в России). Судейский корпус стал причислять «зачистку» третейский судов к числу своих заслуг: «По результатам сформированной судами Российской Федерации судебной практики в истекший период состоялась реформа третейского разбирательства в Российской Федерации»⁹.

Подобные «столкновения» свидетельствуют о противостоянии между публичными и частными судами, вернее, о конфликте, лежащем вне плоскости права. Фактически открытое противостояние государственных судов и арбитражей заставляет задуматься о противоборстве: когда одна группа (государственные судьи) сталкивается с группой, вторгающейся в их поле деятельности (третейскими судьями), происходит, в терминологии Бурдые (Бурдые 2005, 118), борьба за капитал в рамках именно судебной части юридического поля. Основной вопрос настоящего исследования — как реализуется стратегия государственных судей по вытеснению конкурентов (третейских судей) из юридического поля.

Безусловно, невозможно охватить весь дискурс, существующий по вопросам изучения судов и судей, особенно с учетом развитого направления изучения уголовной юстиции, поэтому мы сконцентрируемся на экономических судах (арбитражных судах) и частных судах (арбитражах).

Российское экономическое правосудие с позиций социологии наиболее глубоко исследовано К. Д. Титаевым (Титаев 2016; Титаев, Дмитриева, Четверякова 2014), который изучал арбитражные суды в системе властных отношений, применяя в качестве теоретической рамки концепцию Т. Парсонса и рассматривая арбитражные суды как находящиеся на стыке политической (государственной)

⁵ «Третейский не лишний». *Коммерсантъ*. 2003. Дата обращения 7 мая, 2024. <https://www.kommersant.ru/doc/369981>.

⁶ «Третейские суд попадут под сокращение». *Коммерсантъ*. 2010. Дата обращения 7 мая, 2024. <https://www.kommersant.ru/doc/1549775>.

⁷ «Третейский не лишний». *Коммерсантъ*. 2010. Дата обращения 7 мая, 2024. <https://www.kommersant.ru/doc/2710465>.

⁸ Оценки количества арбитраже в «дореформенный период» разнятся. Так, журнал «Третейский суд», проведя перепись третейских судов, насчитал 398 третейских судов («Третейские суды Российской Федерации (материалы Всероссийской переписи третейских судов)». *Arbitrage.spb.ru*. 2017. Дата обращения 7 мая, 2024. <http://arbitrage.spb.ru/sud/SPISOKTS/spisokts.html>), а экспертная оценка А. В. Бормотова и А. В. Костицына остановилась как минимум на 1829 третейских судах (Бормотов, Костицын 2018, 7). Разница связана с тем, что рынок третейских судов был саморегулируемым и третейские суды уведомляли государство в лице государственных судов о своем существовании. Вторая оценка основана на анализе данных государственных судов, находящихся в открытом доступе.

⁹ Постановление IX Всероссийского съезда судей от 08.12.2016 № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы РФ и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе».

и правовой подсистем современных обществ. К. Д. Титаев указывает, что данный подход строится на двух «возникающих ловушках особенностей»: «С одной стороны... судьи получают содержание от государства и в этом смысле являются государственными служащими, но они не должны “подсуживать” государству. С другой стороны, юрист вообще, будучи лицом, работающим в интересах нанимателя в рамках частного контракта, несет публичную ответственность как за качество и этичность своей работы вообще, так и за публичные последствия своих действий. Эта принципиальная парсонская находка позволила в рамках социологических исследований представлять юристов вообще и судей в особенности как социальных агентов особого рода» (Титаев 2016, 46). Парсонская оптика не позволяет исследовать третейские суды и третейских судей во взаимодействии с государственными судьями. В логике Парсонса судья — единственный возможный арбитр, который работает на государство, но не отстаивает его интересы. В такой логике третейские судьи выпадают из контекста. Представляется, что подобная модель недостаточна для изучения именно конфликта внутри юридического поля, в частности в отношениях между государственными и третейскими судьями.

Если обратиться к трудам, посвященным третейским судам (арбитражам), то в вопросах социологии арбитража особняком стоит исследование Ива Делея и Брайна Гарта, которое и через десятки лет называют главной работой по социологии арбитража, одной из самых цитируемых в сфере арбитража в принципе (Schultz 2016). Авторы используют бурдьевскую концепцию (Бурдьё 2005, 118; Bourdieu 1987) юридического поля, через призму которой говорят о формировании отдельного устойчивого международного сообщества арбитров (третейских судей), по-видимому, на волне модной в те годы глобализации, про которую сказано в предисловии к книге Делея и Гарта «Dealing in virtue. International commercial arbitration and the construction of a transnational legal order» пишет и сам Бурдьё (Dezalay, Garth 1996, vii). На основе различного понимания арбитража (параллельное правосудие — Швеция; делегирование функций — Англия) авторы исследуют формирование особо правового и социального капитала у арбитров, которые участвуют в международном арбитраже. Один из основных выводов их исследования — вывод о наличии у групп внутри международного арбитражного сообщества собственного «сочетания (микса) символического капитала — например, возраст и опыт, владение техническими ноу-хау, теоретическая подкованность, умение энергично представлять клиентов, престиж в определенной национальной правовой культуре» (Dezalay, Garth 1996, 59). Подобная оптика позволяет выявить приоритеты в виде символического капитала для арбитров и спроецировать их на рынок национального арбитража, найти точки пересечения с капиталом, за который могут вести борьбу государственные судьи.

В американской социологии альтернативные способы разрешения споров (в том числе арбитражи) исследованы Кэлвином Мориллом, который строит свои исследования на институциональном анализе. Морилл скрещивает подходы институционалистов и Бурдьё (Bourdieu 2001), указывая, что рынок, государство, бюрократия, семья, либеральная демократия и религия подчинены в рамках институционального контекста организационным полям, состоящим из совокупности организаций, производящих аналогичные услуги и/или продукты, регулирующих

органов и связей среди них (подход ДиМаджио и Пауэлла). Основываясь на идеях Эдельмана, Моррилл говорит, что социально-правовое поле содержит суды, тюрьмы, регулирующие органы и полицейские органы, являющиеся частью государства, но частично совпадающие с другими организационными полями. Институциональный контекст и организационные поля будут только бестелесными конструкциями, пока они не проявятся в практике отдельными людьми и группами, которые «входят в символ», «наследуют» большие области (domains). Моррилл, основываясь уже на бурдьевистских воззрениях, заключает, что отдельные лица и группы не подчиняются однозначным сценариям («габитус») и поведение диктуется им более крупными областями (доменами). Моррилл исследует промежуточную эмерджентность (interstitial emergence)¹⁰ альтернативного разрешения споров (Morrell 2017, 12). Возникновение альтернативной практики в основном поле, по Морриллу, может привести к институциональным изменениям, проявляющимся в виде новых организационных форм, а также к изменениям в легитимации идеологий для новых и существующих официальных организаций (Morrell 2017, 12)¹¹. Данный подход позволяет рассмотреть альтернативу организации или процедуре на этапе формирования и внедрения в поле. Подобный подход, основанный на комбинировании различных оптик изучения полей, вполне уместен в настоящем исследовании, так как арбитраж активно вошел в поле государственных судов с 1992 г., когда в Российской Федерации было принято временное положение о третейском суде.

Условно комбинированный подход Морилла видится наиболее оптимальным и с точки зрения отображения динамики борьбы отдельных организаций или же самостоятельных акторов в поле. В целом мы разделяем этот подход в качестве возможного инструментария для изучения арбитража во взаимодействии с государственными судами и в принципе полагаем, что подобное институциональное воззрение на арбитраж допустимо, однако подобная оптика не позволяет охватить поведение организаций (акторов), которые уже функционировали в своем поле до условного «вторжения» некоей альтернативы. Их стратегии и тактики направлены не на захват поля, а, наоборот, на его защиту. В случае же нашего исследования имеется в виду защита судами их главной привилегии — монополии на правосудие, которая по своей сути является символическим капиталом и борьбы за юридическое поле между различными толкователями права (Bourdieu 1987). В уже ставшей классической статье «The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields» ДиМаджио и Пауэлл используют изоморфизм для обозначения процесса гомогенизации поля, применения различных стратегий для нивелирования присутствия отличных организаций от основного сильного актора (DiMaggio, Powell 1983). В настоящем же исследовании сильным актором выступают государственные суды в лице государственных судей.

¹⁰ По-видимому, Моррилл понимает под этим некое качество, свойство системы, которое не присуще одному ее элементу, а возникает лишь в совокупности.

¹¹ Моррилл также сравнивает альтернативные способы разрешения споров с альтернативной медициной, например с гомеопатией.

2. Основное исследование

2.1. Конкуренция в судебной части юридического поля

Первая из основных гипотез, которые необходимо проверить в рамках настоящего исследования, состоит в том, что судьи, которые выносят решения по отмене решений третейских судов или решения о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов, сами образуют сформировавшееся сообщество внутри более широкой группы — государственных судей. Вторая же гипотеза заключается в том, что государственные судьи отстаивают свою монополию на разрешение споров (монополию на правосудие).

В основу статьи в качестве эмпирического материала легли шесть глубинных интервью с экспертами¹², которые были проинтервьюированы как по общей проблематике существования арбитража в России в настоящий момент, так и по практике взаимодействия арбитражей и арбитражных судов, а также пять глубинных интервью с судьями кассационной инстанции¹³, которые были проинтервьюированы по вопросам развития арбитража, посягательств арбитражами на правосудие и т. д. Необходимость интервьюирования и исследования именно судей кассационных инстанций подтверждена также из интервью с экспертами (в четырех из шести интервью эксперты не из числа судей подчеркивали особую роль кассационных инстанций в формировании практики по третейским делам)¹⁴.

Разрешение споров с экономической точки зрения является услугой. Гомогенность сферы разрешения споров порождает конкурентную борьбу между государственными акторами (государственными судами) и частными акторами (арбитражами). Эта борьба перетекает и в плоскость прямого конфликта, когда речь идет о столкновении двух типов интерпретаторов права и фактическом посягательстве

¹² Эксперт 1 — женщина, 30 лет, практикующий адвокат в адвокатском бюро, специализирующемся на альтернативном разрешении споров; эксперт 2 — мужчина, 48 лет, практикующий адвокат, третейский судья; эксперт 3 — мужчина, 52 года, бывший председатель одного из третейских судов, третейский судья; эксперт 4 — мужчина, 38 лет, третейский судья; эксперт 5 — мужчина, 26 лет, сотрудник одного из высших судов; эксперт 6 — мужчина, 55 лет, третейский судья; эксперт 7 — женщина, 48 лет, судья государственного суда арбитражного суда кассационной инстанции; эксперт 8 — женщина, 55 лет, судья государственного арбитражного суда кассационной инстанции; эксперты 9–11 — женщины, не предоставили данные о возрасте, судьи государственных арбитражных судов кассационной инстанции.

¹³ Предложения о проведении интервью с конкретными судьями было разослано в различные кассационные инстанции, которые были отобраны по принципу наличия рассматриваемых дел (см. п. 2.3): одни из них проигнорировали данное обращение, а другие направили письма, указывая в них мотивы, по которым подобные интервью проведены быть не могут. В качестве причин назывались, например, высокая загруженность судей, отсутствие в суде практики взаимодействия с третейскими судами. И если первое никоим образом опровергнуто быть не может, то второе шло вразрез с нашей логикой по вопросу формирования выборки судей, которые чаще всего рассматривают третейские дела. Кроме того, по просьбе интервьюируемых ни одно интервью с судьями не было дано под запись.

¹⁴ В статье сознательно не раскрываются имена экспертов, которые давали интервью, так как многие из них работают в сфере разрешения споров, репутация является для них приоритетом, а прямая конфронтация с судьями ставит под угрозу их деятельность. Кроме того, удалось реализовать далеко не все намеченные планы по осуществлению интервью как с судьями, так и с экспертами ввиду начала пандемии COVID-19, поэтому приходилось восполнять отдельные детали из общедоступных данных.

одного типа на права другого: профессорского на судейский (Бурдые 2005). Если обратиться, например, к перечню арбитров Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (одно из старейших арбитражных учреждений в России), то мы увидим, что только докторов юридических наук и докторов права среди них 53 чел.¹⁵ Очевидно, что, примеряя на себя условную мантию арбитра (третейского судьи), академический человек, вынося решение, ставит на кон свою репутацию, а судья, видя подобное решение, видит и то, кто его вынес, и (зачастую) размер гонорара арбитра. Сопоставляя эти данные с собственными представлениями об оплате деятельности судьи (арбитра), с представлениями о развитии судебной практики по тому или иному вопросу, судья сам выступает как толкователь права, доказывая, что решение арбитра неосостоятельно. Конфликт, порождаемый судьями, ведет к тому, что третейские суды вынуждены либо мимикрировать под государственные суды и заручаться поддержкой государства (Муранов 2020, 75), либо маргинализироваться и существовать без лицензии (своего рода концессии от государства на разрешение споров). Судьи следуют базовому набору неформальных правил в рамках организации, а затем эти правила закрепляются и кочуют от суда к суду (благодаря формальному принципу единства судебной практики).

Эти предпосылки подтвердились и в ходе интервью пяти из шести экспертов не из числа судей. Эксперты отдельно отметили экономическую составляющую в виде несоразмерности доходов от дела, рассмотренного арбитром (третейским судьей) и государственным судьей (арбитр получает за разрешенный спор в несколько десятков, а то и сотен раз больше, чем государственный судья). В то же время судьи на вопрос о том, интересуют ли их гонорар арбитра, отвечали одинаково: «безразличен». Данная «социальная несправедливость» стоит на общей идее доступности государственного правосудия. Один из респондентов (эксперт 2) отмечает, что, по его мнению, доступность государственного правосудия для современного российского государства является одним из факторов, сдерживающих социальный бунт населения: «Нарушали ваши права? Обращайтесь в суд. Обманули в магазине? Идите в суд. Это универсальный механизм сдерживания народа, а суд у нас независимый».

Соперничество, которое происходит в случае с третейскими судьями как интерпретаторами права и судьями государственных судов как такими же интерпретаторами, но наделенными государством правом на проведение интерпретаций, позволяет говорить о создавшейся среди судей монополии на подобные действия. Фактически именно государственные суды являются основными толкователями закона, а результат подобного толкования выливается в судебные решения.

Российский закон ставит судей в особое положение и дает им возможность осознания своего особого статуса: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны» (ст. 2 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон о статусе судей)). Однако это не соответствует действительности ни с позиции обывательской логики (организация, тем более государственная, вряд ли сможет существовать без отчетности и руководства),

¹⁵ «Арбитры». *Международный коммерческий арбитражный суд*. Дата обращения 7 мая, 2024. <http://mkas.tpprf.ru/ru/arbitrators>.

ни с точки зрения социологических исследований, которыми подтверждается руководство (корректировка решений) через так называемое телефонное право¹⁶; кроме того, как следствие, ставится под сомнение независимость судей (Hanssen 1999; Попова 2012).

Закон говорит о том, что судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа (ст. 1 Закона о статусе судей). Случаи привлечения народа к осуществлению правосудия — это те случаи, когда привлекаются присяжные для осуществления процесса. Таким образом, уже законом заложена идея формирования судейского корпуса как профессионального сообщества и другие требования к судьям (юридическое образование, наличие юридического стажа). Требования же к арбитрам (третейским судьям) довольно низкие: они должны быть дееспособны и достигнуть возраста 25 лет (п. 8 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Поэтому второй гранью проблемы является то, что судья не знает арбитра, а арбитром может являться «неизвестно кто» (эксперт 10), в чьей компетентности судья, вероятно, усомнится.

При взаимодействии арбитражей с государственными судами зачастую сталкиваются интересы профессуры (теоретиков, которые временно (ситуативно) оказались в практической среде) и магистратов (т. е. судей). Что же важно для судей при противостоянии и борьбе за поле? Трудно переоценить значение символического капитала, который обозначает способность человека к производству мнений (Радаев 2002, 28). Под ним Бурдьё понимает наличие легитимной компетенции (Bourdieu 2001, 100). Для судей на первый план выходит важность времени как капитала, не менее важен и экономический капитал — заработок государственных судей в расчете за один рассмотренный спор в десятки, а иногда и в сотни раз меньше, чем у третейского судьи (эксперт 2). Однако ключевым остается символический капитал — признание единственного возможного права на рассмотрение спора, которое легитимировано государством (права на правосудие).

2.2. Монополия на экономическое правосудие

Идея борьбы за монополию на экономическое правосудие в суждениях представителей противоборствующего судьям лагеря толкователей права — академиков встречается довольно часто. Профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ В. А. Белов так говорит о причинах противостояния судей и третейских судей: «...нынешнее отношение к третейским судам... обусловлено опасением конкуренции с государственной системой судов. Предприниматели уже давно не питают иллюзий насчет нашего экономического правосудия, не питали их даже тогда, когда был Высший Арбитражный Суд» (Белов 2020, 9).

¹⁶ Среди судей экономических судов ходит легенда о том, что в одном из судов работала очень пожилая судья, которая начинала свой карьерный путь еще в «довоенные годы». Шквал нового экономического законодательства и ее представления о сути экономических отношений не позволяли с легкостью решать дела, и поэтому по каждому делу она звонила за советом заместителю председателя ВАС РФ, а потом в своих решениях в мотивировочной части писала: «Со слов заместителя председателя ВАС РФ данный спор следует разрешить таким образом».

У экспертов, которые не являются государственными судьями, мы спрашивали про взаимодействие государственных судей и третейских судей и отношение государственных судей к третейским судьям, с которым они сталкивались в рамках взаимодействия государственных судов с арбитражами (безусловно, если респондентом был адвокат как представитель стороны, желающей привести в исполнение решение арбитража, или непосредственно третейский судья). Так, эксперт 3, председатель одного из первых в стране третейских судов, говорил: «Кассация считает, что, если документы не запрошены, значит, не изучены, у них свое начальство». На отношении судьи к арбитражу, по его мнению, влияет мировосприятие («судьи — в основном жесткие государственники, которые считают, что арбитраж — это отход от генеральной линии»). Здесь особенно ярко проявляется формирование судьи как профессионала: те, кто зовутся у Бурдые «магистратами» (Бурдые 2005, 83), в итоге и становятся судьями. Данный респондент отмечает: «Они жизни не видели: пошел из университета в помощники, из помощников в судьи». Таким образом, существует конфликт, когда судья вынужден работать именно с делом профессионала, находящегося в определенной степени выше с точки зрения престижа юридической профессии, условно говоря, с делом профессора права, который за свое решение получает солидный гонорар. В данном случае использования бурдыевистской терминологии можно сказать, что речь идет о социальном капитале, который выражен не только в материальной составляющей, но и в нематериальных благах (престиж, признание).

В итоге встает вопрос: от чего отталкиваются судьи в своем понимании, что для них является базовой ценностной основой, на которую «покушается» арбитраж? Отвечая на данный вопрос, респонденты в основном называли одно — правосудие. Например, эксперт 2 говорил: «Для них [судей] сама идея того, что дела можно разрешать за деньги, т. е. фактически торговать правосудием, они это так воспринимают, — это нечто странное и невероятное. Они считают, что должен быть солидный суд, правосудие. А арбитраж — какая-то частная лавочка, которая за деньги... Для них это очень странно». В данном случае у судей нарушается базовая установка, согласно которой правосудие — это их прерогатива, в буквальном смысле функция, и прямого делегирования (замены) государством для них не предусмотрено. Арбитры не наделены правом толкователей закона в рамках арбитража, а судьи государственных судов являются монополистами, которые должны доступными способами сдерживать конкурента.

Однако получается ли у судов ограничивать или уменьшать количество дел, которые могут производить арбитражи? На данный вопрос судьи ответили однозначно: «Спасибо законодателю» (эксперт 10), «Зачистили поле, смогли» (эксперт 7), «Ушли эти мошенники» (эксперт 9). Что же такое произошло в данной сфере, что позволило государственным судам почти свести на нет существование арбитражей?

Можно констатировать, что все эксперты отмечали отдельную роль так называемой арбитражной реформы в «зачистке третейских судов» (эксперты 7, 11). Добавляя красок и сгущая их, они говорили, что государственные суды взяли верх и почти не осталось того «частного правосудия», о котором можно было говорить как о форме, конкурирующей с государственными арбитражными судами, но вместе с тем и разгружающей их. Судьи добавляли, что необходимо расширить эту

практику, «закрыть последние лазейки» (эксперт 8), которые все-таки еще остаются. Это так называемый арбитраж *ad hoc* (для конкретного спора), который позволяет третейским судьям существовать вне установленных институций (постоянно действующих третейских учреждений).

Маргинализация и вытеснение непосредственно третейских судей происходят по формуле, которую описывал в интервью эксперт 4. Судьи государственных судов, отказывая в выдаче исполнительного листа, раз за разом лишают третейских судей возможности реализовывать свои полномочия. Стороны при выборе третейского судьи для разрешения их спора смотрят именно на исполнимость его решения, и если решения отменяются, то спрос на такого судью резко падает. Кроме того, третейских судей — нонконформистов, не согласных с арбитражной реформой или в целом с государственной политикой в данной сфере, зачастую исключают из списков арбитражных учреждений, которые получили лицензию (право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти). В итоге они привлекаются бизнесом в качестве арбитров *ad hoc*, т. е. для разрешения конкретного спора, а уже в дальнейшем в их отношении реализуется стратегия, описанная экспертом 4.

2.3. Третейское сообщество судей

Как уже отмечалось ранее, в качестве основной группы респондентов были выбраны судьи арбитражных судов кассационной инстанции. Для третейских дел кассационные инстанции по факту выступают апелляционными в силу закона. Наша гипотеза заключается в том, что среди судей кассационной инстанции сформировалась некая группа одних и тех же судей, которые рассматривают «третейские дела». Для удобства данную группу судей мы будем именовать «третейское сообщество судей». К. Д. Титаев, говоря о причинах, по которым апелляционные суды следует воспринимать как базовые для исследования, отмечает: «Основной поток апелляционных жалоб, которые поступают в арбитражные суды, — это, по сути, все значимые дела. Основная роль первой инстанции — отсев дел, которые оказались разрешенными без участия суда (примирение, досрочное исполнение исковых обязательств и т. п.), и дел, которые в силу каких-либо причин не интересны ни одной из сторон. Исходя из такого поведения участников и судов первой инстанции, мы можем сделать вывод, что в значительной мере образ апелляционной инстанции — это образ суда, в котором и пройдет основное разбирательство» (Титаев 2016, 187). Безусловно, подобный образ характерен для участников реального спора, которые передали свой спор в государственный суд. Третейский судья в смысле прямого конфликта выведен за скобки в суде, его решение лишь рассматривается государственным судьей, но именно судьи кассационных судов в нашем случае «формируют повестку» с дальнейшим решением ВС РФ (большинство дел не доходит до рассмотрения ВС РФ по существу, так как судья ВС РФ принимает единоличное решение о передаче или отказе в передаче дела на рассмотрение непосредственно в ВС РФ). По российскому законодательству, при приведении в исполнение решений арбитражей отсутствует ступень апелляции, ее роль фактически выполняет кассация.

В пользу необходимости изучения именно судей кассационных инстанций говорит и эмпирический материал. Эксперт 3 на вопрос о влиянии судей и их отношении непосредственно к его решениям как к решениям третейского судьи говорил: «И судьи могут даже хорошо относиться ко мне лично или к решению, но они все равно это будут делать, потому что такое же есть в кассации. В кассации я уже гораздо менее значимое лицо. То есть они все равно применяют этот стандарт, чтобы видели, что они ко всем относятся одинаково плохо, скажем так».

Здесь возникает логичный вопрос: сформировалось ли среди судей определенное сообщество, которое специализируется на делах, связанных с третейскими судами (третейских делах) в рамках кассационных инстанций и ВС РФ?

Для ответа на данный вопрос мы выработали алгоритм поиска дел и определения тех судей, которых можно отнести к «третейскому сообществу судей». Поскольку в институциональном анализе мы отталкиваемся от организации, функционирующей в рамках поля, мы очертили такую организацию внутри судов как более широкой формы.

Результаты позволили сделать некоторые выводы. Действительно в 6 из 10 кассационных арбитражных судов¹⁷ сформировались устойчивые третейские сообщества судей, которые из года в год (на протяжении как минимум последних пяти лет) рассматривают подобные дела. Результаты демонстрируют также перекося внутри страны. Например, в Арбитражном суде Поволжского округа в итоговую выборку попали семь судей, количество рассмотренных ими дел варьируется от 18 до 26, а в Арбитражном суде Московского округа то же количество судей варьируется от 29 до 209.

Всего в итоговую выборку попали 37 судей, все они имели примерно схожий профессиональный опыт: их карьера строилась исключительно на государственной службе, преимущественно в судебной системе. Подобные карьерные траектории распространены среди судей; как правило, их профессиональный опыт тесно связан с судами (Дмитриева 2019). Судьи открыто говорят, что при выработке решений ключевым является единство практики, достигаемое путем коммуникации между специалистами внутри судейского корпуса по тем или иным проблемам, ориентации на практику коллег из других судов через поиск судебных решений и т. д.

2.4. «Верховный толкователь» и борьба за монополию на правосудие

Как показано ранее, в судейском корпусе на уровне кассационной инстанции сформировалось устойчивое третейское сообщество, т. е. сообщество людей, которые из года в год рассматривают третейские дела, и их отношение к данному институту гражданского общества не является фрагментарным или несформировавшимся. Оно формировалось под грузом той же судебной практики и работ внутри системы. Кроме того, для государственных судов характерны иерархичность и ориентация на вышестоящие суды. У экспертов из числа судей

¹⁷ Арбитражные суды Дальневосточного, Западного-Сибирского, Московского, Поволжского, Северо-Западного и Центрального округов.

спрашивали: «На что вы ориентируетесь при принятии судебного решения? В частности, в делах, связанных с третейскими судами». Ответы респондентов отличались по формулировкам, но в целом их можно структурировать так: 1) закон; 2) позиция ВС РФ; 3) собственное усмотрение.

Таким образом, вторым после непосредственно закона был указан судебный орган, находящийся над кассационными инстанциями. Но кто в рамках него вырабатывает политику в третейских делах? Нами также проанализированы дела, рассмотренные ВС РФ, по тем же критериям, которые применялись к кассационным инстанциям (см. табл.).

Наибольшее количество дел рассмотрела судья Н. В. Павлова; подавляющая часть из них — третейские дела, т. е. в бурдьевистской терминологии можно обозначить ее главным «толкователем» (Бурдые 2005, 79). С самого начала трудовой деятельности, с 22 лет (1997 г.), Н. В. Павлова еще начала работать в качестве работника аппарата ВАС РФ, а в 2011 г. была назначена судьей ВАС РФ (после ликвидации ВАС РФ стала судьей ВС РФ, с 2024 г. — судьей Евразийского экономического союза). Ее карьера полностью связана с работой не просто в суде или государственных органах, а именно в высшей судебной инстанции; это позволяет говорить, что Павлова — человек судебной системы. Помимо профессиональной деятельности, интересна ее научная практика. В 1997 г. она закончила юридический факультет Пермского государственного университета¹⁸, где в то время преподавала Т. Н. Нешатаева, с 1995 г. параллельно являвшаяся судьей ВАС РФ, также специализировавшаяся на третейском разбирательстве и бывшая судьей до 2012 г.; полгода Н. В. Павлова совпадала в этом статусе с Т. Н. Нешатаевой, что позволяет говорить об определенной преемственности¹⁹. Кроме того, Т. Н. Нешатаева была научным руководителем кандидатской диссертации Н. В. Павловой, а сейчас они вместе работают на кафедре международного права Российского государственного университета правосудия²⁰.

В ходе интервью эксперты ассоциативно проводили связь Нешатаевой и Павловой, подчеркивая их преемственность. Относительно судьи Нешатаевой эксперт 2

Таблица. Количество третейских дел, рассмотренных судьями Верховного Суда РФ в 2018–2019 гг.*

Судья	Количество дел
Н. В. Павлова	72
М. В. Пронина	15
Т. В. Завьялова	8
Д. В. Тютин	8
М. К. Антонова	6
А. Г. Першутов	2
Д. В. Капкаев	1
Н. А. Ксенофонтова	1
В. В. Попов	1
И. В. Разумов	1
Н. С. Чучунова	1

* Составлено на основании актов ВС РФ, опубликованных в свободном доступе по категории дел: споры об оспаривании решений третейских судов и споры о выдаче исполнительного листа на решения третейского суда (Электронное правосудие (банк решений). Дата обращения 8 декабря, 2023. <https://ras.arbitr.ru>)

¹⁸ «Судья Павлова Наталья Владимировна». *Право.Ru*. 2023. Дата обращения 7 мая, 2024. https://pravo.ru/arbitr_practice/judge/1123.

¹⁹ «Судьи». *Суд Евразийского экономического союза*. 2023. Дата обращения 7 мая, 2024. https://courteurasian.org/about_the_court/judges.

²⁰ «Профессорско-преподавательский состав кафедры международного права». *Российский государственный университет правосудия*. 2023. Дата обращения 7 мая, 2024. <https://rgup.ru/pages/international-law-teaching-staff>.

говорил: «Нешатаеву взяли в ВАС РФ именно на направление МЧП (международное частное право. — В.Е.) и арбитража для того, чтобы защищать интересы государства. Очевидно, что Яковлев (в те годы председатель ВАС РФ. — В.Е.) привлек ее именно потому, что он сам с Урала, а она из Перми. Она же была просто преподавателем. Начался карьерный взлет таким образом. Поэтому ее взяли под определенный заказ — ее не брали в качестве, как я представляю, некоего независимого беспристрастного специалиста — ее взяли под конкретную задачу. Наверное, это совпадает с ее воззрениями, поэтому так бывает». В этом ракурсе интересен явный конфликт, четко прослеживаемый при столкновении толкователей права по Бурдые: судья Нешатаева скорее пример переквалификации из академического толкователя (потенциально третейского судьи) в магистрата²¹.

Эксперты-судьи подчеркивали, что именно вышестоящей инстанцией создавались и создаются регулирующие механизмы, когда «законодатель еще не успел, а защитить публичные интересы или слабую сторону есть необходимость» (имеются в виду различные толкования и документы «рекомендательно-обязательного характера» — постановления Пленума ВС РФ, обзоры судебной практики ВС РФ). Один из судей (эксперт 7) в своих рассуждениях подчеркнул: «Чтобы принять верное решение, чтобы решение устояло, иногда нужен совет, а практики судебной нет. Целесообразно в этом случае спросить совета у ВС РФ, и ничего зазорного в этом нет. Он же [ВС РФ] спрашивал у КС РФ мнение, у них законом предусмотрена такая возможность». Из этого следуют два вывода: 1) в третейском сообществе судей до сих пор применяется механизм «телефонного права»; хотя эта практика и является исключительной, она никаким образом не контролируется; 2) основополагающим мнением в третейских делах все равно остается мнение ВС РФ, а с учетом сложившейся практики — мнение одного судьи, а именно Н.В. Павловой²².

3. Выводы

Государственные судьи почти вытеснили третейских судей из числа потенциальных толкователей законов в рамках юридического поля, т.е. фактически судебная власть отстояла свою монополию на правосудие. При этом государство упростило доступ в поле разрешения споров только тем акторам, которые верифицированы им. Когда арбитр попадает в списки постоянно действующего арбитражного учреждения, его деятельность становится соответствующей требованиям закона, а арбитражное учреждение выступает гарантом его репутации

²¹ До 2001 г. судьи государственных судов могли совмещать деятельность судьи и третейского судьи. Запрет на совмещение был введен Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О статусе судей в Российской Федерации”».

²² Примечательно, что Н.В. Павлова выступает в публичном пространстве по вопросам арбитража, давая экспертную оценку и разъяснения сложившейся судебной практики, а также выступая за еще большее ужесточение регулирования в данной сфере. См., напр., совместную статью Н.В. Павловой и экс-заместителя министра юстиции РФ М.Л. Гальперина (Гальперин, Павлова 2019), а также публичные выступления («Наталья Павлова о содействии и контроле третейского разбирательства, международного арбитража, ч. 1». *YouTube*. 2019. Дата обращения 7 мая, 2024. <https://www.youtube.com/watch?v=7lnOST5byN0>). Данный вывод был актуален до 01.01.2024, поскольку с 01.01.2024 Н.В. Павлова не является судьей ВС РФ.

как профессионала и гарантом отсутствия злоупотреблений со стороны арбитра. Арбитражные учреждения выступают промежуточным звеном между спорящими сторонами, получившими дозволение от государства на администрирование и в некотором роде опеку над арбитрами.

Кроме того, среди государственных судей (в частности, в кассационных арбитражных судах) сложилось сообщество государственных судей, специализирующихся на третейском разбирательстве. Подобная специализация не уникальна, но позволяет говорить о выработке общего профессионального воззрения на проблему сферы, которая потенциально посягает на монопольное право государства по разрешению споров.

Кроме того, противостояние между государственными судами и арбитражами, которое в определенный момент перешло в открытое вытеснение третейских судей государственными судьями, имеет признаки стратегии в рамках борьбы за капитал (в терминологии Бурдьё). При этом подобная стратегия вписывается в рамки принудительного изоморфизма, поскольку третейские суды так или иначе зависят от государственных судов и единственный выход — это адаптация третейских судей к такого рода изменениям. В противном случае третейским судам и третейским судьям грозит исчезновение из юридического поля или потенциальный уход в маргинализированные (легко вытесняемые) формы квазиорганизации — арбитражи *ad hoc*.

Представляется, что дальнейшие исследования должны быть сконцентрированы на возможных альтернативных стратегиях по адаптации третейских судей в условиях противостояния с государственными судьями, а также на развитии «концессионной» модели допуска к разрешению споров частных судов, т. е. постоянно действующих арбитражных учреждений.

Библиография

- Белов, Вадим А. 2020. «Найти среди наших современных юристов чистого “деликтника” если не невозможно, то очень проблематично». Интервью Александра Верещагина и Владимира Румака. *Закон* 4: 8–22.
- Бормотов, Александр В., Андрей В. Костицын. 2018. *Арбитраж ad hoc. Руководство по применению. Версия 2.017*. Саратов: Ай Пи Эр Медиа.
- Бурдьё, Пьер. 2005. *Социальное пространство: поля и практики*. Пер. с фр. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии.
- Гальперин, Михаил Л., Наталья В. Павлова. 2019. «Куда идет третейское разбирательство?» *Закон* 8: 125–139.
- Дмитриева, Арина В. 2019. «Ходатайство председателя суда как фактор успеха отбора судьи квалификационными коллегиями». *Журнал исследований социальной политики* 17 (3): 391–406.
- Зайцев, Алексей И. 2012. «История развития третейских судов и третейского судопроизводства в России до 1917 г.». *Вестник гражданского процесса* 2: 89–128.
- Зайцев, Алексей И. 2013. «Взаимодействие государственных и третейских судов: история вопроса». *Вестник гражданского процесса* 5: 79–115.
- Муранов, Александр И. 2020. «Российский институт современного арбитража и «Российский» арбитражный центр: исследование их роли в третейской сфере в РФ. ГОНГО-структуры? Декларации и реальность. Как вертикаль власти работает в арбитраже. М. Дата обращения 7 мая, 2024. https://zakon.ru/blog/2020/02/06/rossijskij_institut_sovremennogo_arbitrazha_i_rossijskij_arbitrazhnyj_centr_issledovanie_ih_rol_i_v_t.

- Попова, Мария. 2012. «Политизированное правосудие в новых демократиях: политическая борьба и судебная независимость в России и Украине». *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*. Под ред. Вадима В. Волкова, 199–223. М.: Статут.
- Радаев, Вадим В. 2002. «Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция». *Экономическая социология* 3 (4): 20–32.
- Титаев, Кирилл Д. 2016. «Арбитражные суды в системе властных отношений». Дис. ... канд. соц. наук, Санкт-Петербургский государственный университет.
- Титаев, Кирилл Д., Арина В. Дмитриева, Ирина В. Четверякова. 2014. «Государство и бизнес в арбитражном суде». *Вопросы экономики* 4: 40–62.
- Хвалей, Владимир В. 2019. «Почему арбитражная реформа в России потерпела неудачу?» *Arbitration.ru* 7 (9): 57–77.
- Bourdieu, Pierre. 1987. “The force of law: Toward a sociology of the juridical field”. *Hastings Law Journal* 38: 805–853.
- Bourdieu, Pierre. 2001. “Forms of capital”. *The Sociology of Economic Life*, 96–111. Boulder: Westview Press.
- Dezalay, Yves, Bryant G. Garth. 1996. *Dealing in virtue: International commercial arbitration and the construction of a transnational legal order*. Chicago: University of Chicago Press, Business & Economics.
- DiMaggio, Paul J., Walter W. Powell. 1983. “The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields”. *American Sociological Review* 48 (2): 147–160.
- Hanssen, Andrew. 1999. “The effect of judicial institutions on uncertainty and the rate of litigation: The election versus appointment of state judges”. *The Journal of Legal Studies* 28 (1): 205–232.
- Morrill, Calvin. 2017. “Institutional change through interstitial emergence: The growth of alternative dispute resolution in American law, 1965–2000”. *Brazilian Journal of Empirical Legal Studies* 4 (1): 10–26.
- Schultz, Thomas. 2016. “Celebrating 20 years of ‘dealing in virtue’”. *Journal of International Dispute Settlement* 7 (3): 531–533.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2021 г.;
рекомендована к печати 19 января 2024 г.

Контактная информация:

Еремин Виктор Валерьевич — канд. юрид. наук; eremin.cisp@gmail.com

Monopoly on economic justice: Judges versus arbitrators

V. V. Eremin

HSE University,
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation

For citation: Eremin, Viktor V. 2024. “Monopoly on economic justice: Judges versus arbitrators”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 354–370. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.203> (In Russian)

The article explores the relationships between state economic courts represented by judges and arbitration courts as a manifestation of the conflict between public and private justice. The consequences of changes in state policy after the arbitration reform of 2015–2017 are discussed. Firstly, through the lens of Bourdieu’s perspective, the key factors influencing the emergence of a negative attitude in the judicial environment towards private justice are analyzed. Secondly, the establishment of the specialization of a particular subgroup of judges from the appellate instance of arbitration courts, who year after year deal with cases related to arbitration courts, is examined. During the empirical part of the research and interviews with judges from the appellate instances, it was found that their primary reference point, in addition to the law and personal convictions, is the orientation towards the higher court —

the Supreme Court of the Russian Federation, where one judge largely determines the courts' policy towards arbitration courts. Judges exhibit normative isomorphism, as similar experiences and practices prompt them to adopt similar strategies to protect their field from private justice. The article is the result of qualitative research based on interviews. Based on the assumption of the homogenization of the judicial sphere and judges' defensive tactics to protect their field from external, private courts using institutional analysis and Bourdieu's theories of fields and capital, the conclusion is drawn that judges of state courts tend to accumulate symbolic capital. This allows them to act as the only possible interpreters of legal norms — monopolists of justice. Through the lens of isomorphism theory, the conclusion is drawn that state courts implement the practice of coercive isomorphism, which has no other goals except forcing private courts to mimic state courts.

Keywords: arbitration, arbitration courts, economic justice, monopoly of justice, arbitration community of judges, arbitration reform.

References

- Belov, Vadim A. 2020. "To find among our modern lawyers a pure 'tortfeasor' is, if not impossible, then very problematic". Interview by Aleksandr Vereshchagin and Vladimir Rumak. *Zakon* 4: 8–22. (In Russian)
- Bormotov, Aleksandr V., Andrei V. Kostitsyn. 2018. *Arbitration ad hoc. Guidelines for application. Version 2.017*. Saratov, Ai Pi Er Media Publ. (In Russian)
- Bourdieu, Pierre. 1987. "The force of law: Toward a sociology of the juridical field". *Hastings Law Journal* 38: 805–853.
- Bourdieu, Pierre. 2001. "Forms of capital". *The Sociology of Economic Life*, 96–111. Boulder, Westview Press.
- Bourdieu, Pierre. 2005. *Social space: fields and practices*. Rus. ed. St. Petersburg, Aleteiia Publ.; Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ. (In Russian)
- Dezalay, Yves, Bryant G. Garth. 1996. *Dealing in virtue: International commercial arbitration and the construction of a transnational legal order*. Chicago, University of Chicago Press, Business & Economics.
- DiMaggio, Paul J., Walter W. Powell. 1983. "The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields". *American Sociological Review* 48 (2): 147–160.
- Dmitrieva, Arina V. 2019. "Petition of the court president as a factor of success in the selection of a judge by qualification collegiums". *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 17 (3): 391–406. (In Russian)
- Galperin, Mikhail L., Natalia V. Pavlova. 2019. "Where is arbitration going?" *Zakon* 8: 125–139. (In Russian)
- Hanssen, Andrew. 1999. "The effect of judicial institutions on uncertainty and the rate of litigation: The election versus appointment of state judges". *The Journal of Legal Studies* 28 (1): 205–232.
- Khvalei, Vladimir V. 2019. "Why arbitration reform in Russia has failed?" *Arbitration.ru* 7 (9): 57–77. (In Russian)
- Morrill, Calvin. 2017. "Institutional change through interstitial emergence: The growth of alternative dispute resolution in American law, 1965–2000". *Brazilian Journal of Empirical Legal Studies* 4 (1): 10–26.
- Muranov, Aleksandr I. 2020. *The "Russian" institute of modern arbitration and the "Russian" arbitration centre: A study of their role in the arbitration sphere in the Russian Federation. GONGO-structures? Declarations and reality. How the vertical of power works in arbitration*. Moscow. Accessed May 7, 2024. https://zakon.ru/blog/2020/02/06/rossijskij_institut_sovremennogo_arbitrazha_i_rossijskij_arbitrazhnyj_centra_issledovanie_ih_rol_i_v_t. (In Russian)
- Popova, Mariia. 2012. "Politicized justice in new democracies: Politics and judicial independence in Russia and Ukraine". *Kak sud'i primaiut resheniia: empiricheskie issledovaniia prava*. Ed. by Vadim V. Volkov, 199–223. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Radaev, Vadim V. 2002. "The concept of capital forms of capitals and their convergence". *Ekonomicheskaia sotsiologiya* 3 (4): 20–32. (In Russian)
- Schultz, Thomas. 2016. "Celebrating 20 years of 'dealing in virtue'". *Journal of International Dispute Settlement* 7 (3): 531–533.
- Titae, Kirill D. 2016. "Arbitration courts in the system of power relations". PhD Thesis in Sociology, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

- Titaev, Kirill D., Arina V. Dmitrieva, Irina V. Chetveriakova. 2014. "The state and business in the arbitration court". *Voprosy ekonomiki* 4: 40–62. (In Russian)
- Zaitsev, Aleksei I. 2012. "The history of the development of arbitration courts and arbitration proceedings in Russia before 1917". *Vestnik grazhdanskogo protsess* 2: 89–128. (In Russian)
- Zaitsev, Aleksei I. 2013. "Interaction of state and arbitration courts: The history of the issue". *Vestnik grazhdanskogo protsess* 5: 79–115. (In Russian)

Received: August 10, 2021
Accepted: January 19, 2024

Author's information:

Viktor V. Eremin — PhD in Law; eremin.cisp@gmail.com